

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСЛАМ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1991

ИКТА'

мально сохраняются, однако предпочтение отдается тем из них, которые соответствуют наказаниям, принятым законодательствами наиболее развитых стран, т. е. тюремному заключению и принудительным работам, штрафам и общественному порицанию.

Лит-ра: *аш-Шайбани*. Ал-Джами' ас-сагир, 63—65, 68—69, 70—72; *Малик б. Анас*. Ал-Муватта', 275—281, 286—291, 348; *Zaid ibn 'Ali*. Corpus juris, 217—226, 249; *Maydani*. Penal Law; *Shacht*. Introduction, 175—187; *U. Heyd*. Djaza'.—EI, NE, 2, 518; *H. Moñés*. 'Ikab.—Там же, 3, 1055.

А. Б.

ИКТА' (мн. ч. иктá'ât; от глагола акта'а—«отрезать», «наделять») — передача государством права получения хараджа с определенной территории. Наделение землями упоминается уже при жизни Мухаммада и особенно широко применяется при 'Усмáne (644—656). Дарились бесхозные или заброшенные земли из государственного фонда, поступавшие в собственность наделенного (мукта') с правом наследования и отчуждения. Эти участки назывались кати'а и были аналогичны мулку, сам акт дарения назывался икта'. В подавляющем большинстве случаев мукта' не обрабатывали землю сами, а получали ее с сидевшими на ней арендаторами или, вложив средства в мелиорацию, сдавали освоенную землю в аренду. Мукта' платил с них 'ушр, который рассматривался не как поземельный налог, а как закят. При классической икта', т. е. при наделении хараджной землей, мукта' получал в свою пользу разницу между хараджем и 'ушром. Ранние законоведы (Иахйá б. Адам, Абу Йусуф) знают только такую форму И.

В IX—X вв. в связи с ослаблением центральной власти появляются различные формы пожизненного наделения: ту'ма, муката'а — право платить неизменную сумму со вновь освоенных залежных хараджных земель без ежегодной оценки урожая сборщиками; игар — изъятие земель из ведения фиска при условии ежегодной уплаты определенной суммы; тасви́г — изъятие из ведения фиска при уплате чисто символической суммы. В это время законоведы различают икта'-тамлик (И. на правах собственности=кати'а) и икта'-исти́глал (И. с правом сбора хараджа в свою пользу). Последняя форма обычно и подразумевается исследователями, когда идет речь об И. как о форме условного феодального землевладения.

Широкое распространение этой формы И. относится ко второй половине X в., когда Буиды стали раздавать своим военачальникам право на получение всей суммы хараджа как плату за службу. Однако эти бенефиции были временными; мукта', выкачивая налоги, разоряли хозяйство и требовали замены И., что привело к упадку земледелия в Ираке.

В Египте при Фатмидах И. находилось полностью под контролем государства, которое получало с него определенную сумму ('ушр?) и могло в любое время аннулировать И. или дать взамен другое, аналогичное или иной ценности. О распространении икта'-исти́глал в других странах сведений мало. Нередко за него принимают любое наделение землей и назначение наместничество, если акт назначения передан в тексте грамотом акта'а.

Дальнейшее развитие И. получает при Сельджуках, когда оно становится наследственным, крупные военачальники получают целые области с обязательством содержания своего отряда и при

этом нередко оказываются правителями (ва́ли) соответствующего округа или области. И. превращается из бенефиции в фео́д, что предполагало передачу части сюзеренитета, — возникает феодальная иерархия, когда крупный мукта' наделяет подчиненных из своего И.

В Египте при Айюбидах И. раздавались без требования уплаты государству какой-либо суммы, но контроль государству сохранялся. Обычно это были И. чересполосные, ненаследственные, и их предоставление не предполагало права управления округом; иерархическая структура отсутствовала: каждый мукта' получал свой надел от государства.

При монголах термин И. исчезает из официального употребления, вместо него появляется сукоргал — наследственный надел и тую́л — временный или пожизненный.

Лит-ра: *Петрушевский*. Земледелие, 256—269; *Семенова*. Салах ал-дин; *Cl. Cahen*. L'évolution de l'iqta du IXe au XIIIe siècle.—Annales. ESC, 1953, 231—269, ПМНМ; *A. Lambton*. Landlord and Peasant in Persia. L., 1953; *C. E. Bosworth*. Military Organisation under the Buyids.—Oriens, 1967, 18—19; *Lokkegaard*. Taxation; *Cl. Cahen*. Ikta'.—EI, NE, 3, 1115—1118.

О. Б.

ИКТИСА́Б — приобретение мирских благ. В пределах обеспечения необходимым себя и близких И. — обязанность мусульманина, что подтверждается примером древних пророков и окружения Мухаммада, занимавшихся ремеслом и торговлей. Средства, добытые ремеслом и торговлей, чище государственного жалованья. И. лучше благочестия с отказом от обеспечения себя в расчете на щедрость Аллаха (таваккул), умерщвление себя воздержанием — такой же грех, как всякое убийство.

Первые эти положения, отражающие мировоззрение зажиточных горожан, из которых происходило большинство факихов, четко сформулировано учеником Абу Ханифы, Мухаммадом аш-Шайбани (ум. в 805 г.), в сочинении ал-Иктисаб фи-р-ризк ал-мустатаб. Ранние суфийские авторы, придерживаясь тех же принципов, отдавали предпочтение ремеслу перед торговлей (ср. *ал-Макки*. Кут ал-кулуб). Отношение к этой проблеме — один из самых надежных критериев выявления классовой позиции различных факихов. С IX в. отношение к И. стало одним из основных пунктов расхождения между ханбалитами и суфими (см. например: *ал-Мухасби*. Китаб ат-таваххум). Много внимания этой проблеме уделил и Ибн ал-Джаузи (ум. в 1201 г.) в *Талбис Иблис*. Лит-ра: *S. D. Goitein*. The rise of near-eastern bourgeoisie in early Islamic times.—Cahiers d'histoire mondiale. P., 1957, 3; *он же*. То же.—Studies.

О. Б.

ИЛЙА́С (вар. Илийáсн) — коранический персонаж; один из пророков, библейский Илия. В Коране назван праведником (салих), верующим (му'мин); посланником (мурсал). Рассказываются, что он призывал своих соплеменников отказаться от поклонения Ба'алу и уверовать в Аллаха. Однако они сочли его слова ложью и за это ответят в будущем. И. же будет славен в последующих поколениях (6:85; 37:123—132).

Послекоранические предания повествуют о праведнике И., которого его народ не слушал и преследовал. Аллах даровал ему власть над дождем, а затем вознес на небеса, где И. стал получеловеком-полуангелом. Вместе с другим «бессмертным», ал-Хадиром, И. все время путешествует по миру, был у источника бессмертия; регулярно посещает Иерусалим и Мекку. Когда он и ал-Хадир расстаются, то произносят друг другу славословия, повторяя которые смертные

люди могут уберечься от воровства, пожара, потопления, укусов ядовитых змей и насекомых и т. д. Иногда И. просто идентифицируют с ал-Хадиром или с другим «бессмертным» — Идрисом. Некоторые комментаторы Корана видят И., а не ал-Хадир, как обычно, в «рабе из Наших рабов», упоминаемом в истории Мусы в Коране (18:60/59—82/81). В иудейском варианте аналогичного сюжета действует Илия.

Коранический рассказ помещает упоминание о проповеди И. своему народу в серию кратких восхвалений, которые завершаются фразами: «Мы оставили потомству [приветствие] ему: „Мир Ибрахиму (или Мусе, или Илиясину и т. д.)!“»*. Упоминание Ба‘ала указывает на связь с библейским сказанием (1-я Царей [3-я Царств], 18), возможно — в христианской передаче. Однако он построен по стандартной для Корана схеме историй о не признанных своим народом пророках. Для толкования коранических упоминаний были использованы различные иудейские и христианские сказания об Илии. Пришедший через них мотив вознесения на небеса сделал И. одним из символов воскресения и вечной жизни в мусульманской мифологии, популярной фигурой в народных верованиях.

Лит-ра: *am-Табари*. Та’рих, 1, 415, 540; *он же*. Тафсир, 7, 172—173; *ас-Са‘лаби*. Кисас, 142—144; *ал-Байдави*. Тафсир, 1, 298; *Speyer*. Erzählungen, 406; *Paret*. Kommentar, 146; *Beltz*. Sehnsucht, 128; *A. J. Wensinck*. Ilyas.—EI, 2, 501—502; *A. J. Wensinck*, [G. Vajda]. Ilyas.—EI, NE, 3, 1184—1185.

М. П.

‘ИЛМ (мн. ч. ‘улум) — знание. Основатель ислама пророк Мухаммад настойчиво и по разным поводам говорил о знании божьем и человеческом: в Коране ок. 750 раз встречается слово ‘И, и однокоренные с ним именные и глагольные формы. Божье знание, предвечное и всеобъемлющее, служит одним из признаков всемогущества Аллаха, человеческое знание двояко: обычное, мирское, и религиозное, равное вере. Существенным было противопоставление ислама тому, что до ислама и вне ислама: веры — неверию и знания — неведению. Следствием изначального повышенного внимания к ‘И. явилось то, что концепции знания отводилось исключительно важное место в мусульманских доктринах — теологических, юридических, философских и социально-этических. Стремление к знанию было объявлено долгом и обязанностью каждого верующего, мусульманина и мусульманки. Каждый, кто притязал на то, чтобы самостоятельно сформулировать свое кредо (как личность или как представитель некоего направления в исламе, общины, школы, группировки), высказывался обычно и о своем отношении к ‘И. Поэтому было выдвинуто множество определений как термина ‘И., так и его содержания и объема; на всем протяжении истории ислама эти определения непрерывно обсуждались и уточнялись в огромном числе сочинений, хотя время от времени звучало и осуждение всякой попытки определить его. Отправной точкой для рассуждений об ‘И. служили цитаты из Корана, хадисов и переводных сочинений самого разного происхождения. Если отвлечься от многих частностей и нюансов, то содержание ‘И. сводили к: 1) усвоению исламских традиций; 2) мистическому озарению, постижению света, сияния; 3) пониманию посредством логического рассуждения; 4) энциклопедической образованности. Подлежащие усвоению исламские традиции охватывали Коран, сунну, каноническое право, догматы, священную историю; их

упорядочением, толкованием и обоснованием занимались религиозные науки, каждая из которых называлась ‘И. ат-тафсир, ал-хадис, ал-фикх, ал-калам и др. Исма‘илиты, суфии и философы различали два вида знания — явленное, внешнее (экзотерическое, захир), и сокровенное, тайное (эзотерическое, батин). При всех определениях ‘И. подчеркивалась необходимость изучения арабского языка и даже целая взаимозависимость между знанием и действием (делом, поведением). У термина ‘И. есть синонимы, образованные от других арабских корней со значением «знать»; наиболее употребительный из них — ма‘риф, которым суфии обозначали преимущественно знание о боге, «гносис». Восхвалению ‘И. посвящали несколько строк или страниц во вводной части авторы многих средневековых книг, нередко — отдельные главы и даже целые сочинения.

Реформаторы ислама XIX в. вновь придали проблемам ‘И. полемическую остроту. Современные мусульманские мыслители и публицисты продолжают горячо их обсуждать в связи с развитием науки и образования. Преобладающей тенденцией является расширительное толкование ‘И. как научного знания или, во всяком случае, не противоречащего и не препятствующего подлинной науке.

От корня ‘ЛМ образован термин му‘аллим — тот, кто передает ‘илм другому; учитель, педагог (преимущественно в начальной школе), наставник в любой теоретической или практической отрасли знания (суфийский шайх, цеховой мастер и т. п.); эпитет старшего и опытного лица.

Лит-ра: *Роузетнал*. Торжество знания.

А. Х.

‘ИЛМ ал-ХАДИС («наука о предании») — отрасль знания, посвященная изучению хадисов. Рост количества подложных хадисов уже в раннем исламе вызвал в мусульманской ученой среде формально-критическое к ним отношение. Мухаддисы осознавали, что в обращение пущен недостоверный материал, который необходимо было подвергнуть изучению, чтобы выявить «ложные» предания и отграничить их от «подлинных». Главным объектом внимания мусульманского критицизма служило не само содержание предания (матн), а цепь передатчиков (иснад): качество иснада считалось гарантией обоснованности сообщаемого, хотя при таком подходе к проблеме зачастую хадисы с вымышленным содержанием, но снабженные цепью безупречных передатчиков квалифицировались как подлинные. Для мухаддисов было важно установить наличие непрерывной цепи передатчиков, которые в ‘И. ал-Х. именовались ар-риджал («люди», «мужи»). Старались выяснить их имена, годы жизни, факты биографии (когда и где бывали), чтобы удостовериться, могли ли они встречаться и слушать друг друга. Не менее важной представлялась оценка их «правовая» и моральных качеств: считался ли каждый из них хорошим мусульманином, был ли достоин доверия (сика) и правдив (садук), т. е. способен ли был правильно воспроизводить слышанное им. Проверка передатчиков предания как гарантов правдивости сообщаемого получала в среде мухаддисов название ал-джарх ва-та‘дил («отвод и подтверждение»). Собрание и критическое изучение целого комплекса данных о передатчиках привело к возникновению в ‘И. ал-Х. особого направления — ма‘рифат ар-риджал («зна-